

МОСКОВСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ XVI в.: ДЕСПОТИЯ ИЛИ «ГАРМОНИЯ» ИНТЕРЕСОВ НАРОДА И «ВОЖДЕЙ»?¹ (К вопросу о происхождении русского авторитаризма)

Т.М. ПЕНСКАЯ

*Белгородский государственный
университет*

e-mail: penskaya@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с процессами становления и развития русской государственности во 2-й пол. XV – нач. XVII вв. и происхождением русского авторитаризма. Автор статьи подвергает сомнению устоявшийся в историографии тезис о решающем влиянии ордынской политической традиции на формирование политических отношений в Русском государстве. Автор подчеркивает, что ордынская политическая традиция в силу особенностей функционирования кочевых социумов не могла оказать решающего воздействия на формирование русской авторитарной традиции. По его мнению, влияние ордынских порядков проявилось прежде всего в ускоренном формировании в Русском государстве конца XV – XVI вв. единого военного механизма. Вместе с тем, автор обращает внимание на архаичность и неразвитость государственной машины Московского государства XVI в. в сравнении с аналогичными учреждениями ведущих западноевропейских государств того времени. Вывод, к которому приходит автор, состоит в том, что в Московском государстве отношения между властью и обществом строились на своеобразной «гармонии» интересов «народа» и «вождей».

Ключевые слова: образование единого Русского государства, Российское государство во 2-й пол. XV – нач. XVII вв., монархия, авторитаризм.

Поводом к написанию этой статьи послужило известное высказывание имперского дипломата С. Герберштейна, дважды посетившего Русское государство при Василии III (1505-1533 гг.) и считающегося внимательным и достаточно объективным наблюдателем. В своих нацумевших записках о московских делах он отмечал, что «...Всех одинаково гнетет он (Василий III – П. Т.) жестоким рабством... Свою власть он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него; ни один не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они прямо заявляют, что воля государя есть воля божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле божьей»².

Это высказывание, впоследствии неоднократно растиражированное, стало своего рода аксиомой, наглядной демонстрацией сложившегося в нач. XVI в. русско-го деспотизма и авторитаризма, от которого лежала прямая дорога через тиранию Ивана Грозного к абсолютизму петербургского периода и сталинскому тоталитаризму. Но так ли это было на самом деле? Вопрос этот далеко не случаен, поскольку есть все основания сомневаться в такой оценке русской действительности, какую дал имперец. Но для того, чтобы обосновать этот тезис, нужно вернуться на триста лет назад, в нач. XIII в.

События конца 30-х – нач. 40-х гг. XIII в. по устоявшейся традиции и в отечественной, и в зарубежной исторической науке традиционно считаются переломными в истории Руси. Древняя Русь, представлявшая к тому времени рыхлое, неконсоли-

¹ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). СПб., 2003. С. 176.

² Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 72, 74.

дированное государственное объединение, своего рода «конфедерацию» княжеств, успешное функционирование которого во многом зависело от субъективного фактора³, столкнулась в 30-х гг. XIII в. с мощным внешним вызовом в лице Орды и потерпела неудачу.⁴ Большая ее часть так или иначе надолго вошла в «монголосферу» и вполне естественным было бы предположить, что ордынские порядки не могли не оказать своего воздействия на русские порядки. И здесь трудно не согласиться с мнением А.Б. Каменского, который, характеризуя процесс становления Российского государства, отмечал, что на его «...нравах, как и на вновь возникавших политических традициях, не могло не сказываться влияние ордынских образцов. Это были образцы централизованного государства со строго иерархизированным милитаризованным обществом с деспотическим режимом и развитой инфраструктурой подавления и управления населением. Степень влияния этих образцов на Московскую Русь опять же невозможно выразить математически, но само оно было неизбежным уже потому, что новое государство создавалось таким, чтобы его политические структуры могли успешно конкурировать с ордынскими...»⁵.

Итак, влияние Орды на Русь очевидно, и с этим спорить сегодня мало кто решится⁶. Но какова была степень этого влияния? В чем именно оно заключалось? Какие сферы бытия средневекового русского общества оно затронуло в наибольшей степени? Не секрет, что весьма распространенной и популярной является та точка зрения, которая исходит из того, что «монгольский» фактор оказал чрезвычайно отрицательное развитие на дальнейшее развитие Русской земли. Характерный пример. Ю.Н. Афанасьев в одной из своих последних работ, «Опасная Россия», указывая на причины современных проблем, которые переживает российское общество и государство, связывал их с «нашей ордынской генетикой»⁷. С ним солидаризируется французская исследовательница, считающаяся квалифицированным русистом, Э. Каррер д'Анкосс, которая также дает крайне негативную характеристику ордынского правления на Руси, обозначив его как «монгольская ночь» и связав с нею обогнавшуюся отсталость Русской земли, до того динамически развивавшейся, от Запада⁸. Примечательно также ее высказывание, сделанное в рецензии на работу Ю.Н. Афанасьева: «Россия – это его первая характеристика – "опасна". Для себя самой, для русских и для всего мира. Эта черта, свойственная России, связана с условиями ее образования: московская власть, ставшая российской, была создана Золотой Ордой в 13 веке для противостояния – "Литовской России", открытой западным традициям, католицизму и римскому праву. В этом и заключается первородный грех, который Рос-

³ Как отмечал известный украинский историк Н.Ф. Котляр, в XII в. на Руси сложилась новая политическая система, в которой управление русскими землями взяла в свои руки группа «самых авторитетных и сильных князей. Коллективный сюзеренитет обеспечил относительную (выделено нами – П.Т.) стабильность общественно-политической жизни Древней Руси...» (Котляр Н.Ф., Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 370).

⁴ Напрашиваются аналогии с Англией времен завоевания ее нормандским герцогом Вильгельмом: «Народ, не осознававший еще себя как единое этнокультурное целое, не был способен на массовые патриотические выступления, и борьба с нормандцами для широких масс крестьянства исчерпывалась сутобо местными конфликтами. Сил знати – основного носителя этнического сознания – были раздроблены, интересы борьбы были узко локальными, лидер масштаба Вильгельма отсутствовал. В целом, недостаточная степень этнической и политической гомогенности Англии к XI в., преобладание в менталитете англосаксов локальных ценностей над принадлежностью к единому этносу и государству определила их неспособность к эффективному сопротивлению как датским завоевателям, так и норманским» (Горелов М.М. Датское и норманское завоевания Англии в XI веке. СПб., 2007. С. 159-160). Насколько все схоже с тем, что происходило на Руси в конце 30-х – нач. 40-х гг. XIII в.!

⁵ Каменский А.Б. Российская империя в XVIII в: традиция и модернизация. М., 1999. С. 27.

⁶ Подробный разбор существовавших и существующих точек зрения по этой проблеме см., например: Кривошеев Ю.В. «Монгольский вопрос» в русской историографии // Кривошеев Ю.В. Собрание. СПб., 2010. С. 157-190.

⁷ Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yurifanasyev.ru/dangerous_rus/glava1.htm

⁸ Каррер д'Анкосс Э. Незавершенная Россия. М., 2005. С. 35-39.

сия унаследовала от монголов и от которого не смогла избавиться ни при Петре Великом несмотря на его стремление к западничеству, ни при Ленине и Сталине»⁹.

Но действительно ли ордынская власть была такой «абсолютной, безмерной, безграничной, максимально жестокой, непредсказуемой и недостижимой, а потому – притягательной и зачаровывающей»¹⁰. или же это не более чем историографический фантом? Насколько деспотичной, централизованной она была и какие именно ордынские политические традиции в наибольшей степени сказались на становлении и развитии Российского государства? Попробуем ответить на этот вопрос.

Соглашаясь в целом с мнением А.Б. Каменского относительно определенного воздействия политической практики Орды на Русь, отметим, тем не менее, что наш взгляд преувеличивать степень ханского деспотизма не стоит хотя бы в силу особенностей кочевого общества и его властных институтов. «Если в оседлом земледельческом обществе основы власти покоились на управлении обществом, контроле и перераспределении прибавочного продукта, то в степном обществе данные факторы не могли обеспечить устойчивый фундамент власти. Прибавочный продукт скотоводческого хозяйства нельзя было эффективно концентрировать и накапливать...», – отмечал российский востоковед Н.Н. Крадин, и добавлял, что «...значительное притеснение мобильных скотоводов со стороны племенного вождя или другого лица, претендующего на личную власть, могло привести к массовой откочевке от него»¹¹. В итоге, по мнению исследователя, функции кочевого правителя в условиях, когда кочевое хозяйство носило практически автономный, самодостаточный характер, были минимальны и не могли равняться с функциями правителя земледельческого государства. Анализируя далее особенности функционирования властных механизмов в хуннском государстве, заложившем основы политической традиции, свойственной кочевым империям эпохи Средневековья, Н.Н. Крадин отмечал, что «...власть хуннских шаньюев, как и власть правителей других степных империй Евразии, основывалась на внешних источниках. Шаньюй являлся верховным военачальником Хуннской конфедерации и имел монополию на представление державы во внешнеполитических и иных связях с другими странами и народами. В этом плане он являлся посредником, который перераспределял «подарки», дань и полученную во время набегов добычу. В делах же внутренних он обладал гораздо меньшими полномочиями... Если в военное время могущество правителя Хуннской империи держалось на необходимости руководства военными действиями, то в мирное время его положение определялось его способностями перераспределять китайские подарки и товары...»¹².

Заменим в этой картине хуннского шаньюя на хана Орды, и совпадение по основным позициям будет почти 100 %. В процитированном высказывании обратим внимание на ту его часть, где речь идет о представительских функциях шаньюя-хана и его обязанностях как верховного военного вождя. Запомним это, а пока, продолжая аналогии, снова обратимся к мнению востоковеда. «Империя Хунну, – писал он, – казавшаяся со стороны незыблемой иерархической пирамидой, на деле являлась в известном смысле достаточно хрупким механизмом. Теоретически шаньюй мог требовать от подданных беспрекословного подчинения и издавать любые приказы, однако в реальности его политическое могущество было ограничено рядом объективных обстоятельств... Поэтому политические связи между племенами и органами управления степной империи не были чисто автократическими... В то же время политические отношения между племенами и властью нельзя считать чисто консенсусными. Империя Хунну являлась конфедеративной по сути, но она не была простой федерацией надплеменных сегментов. Будучи **военным** (выделено нами – П.Т.)

⁹ Каррер д'Анкокс Э. Разочарование Россней // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yuri-afanasiev.ru/otziv.htm>

¹⁰ Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yuri-afanasiev.ru/dangerous_rus/glava1.htm

¹¹ Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2002. С. 182-183.

¹² Там же. С. 187.

ксенократическим государствовподобным обществом, Хуннская держава всегда нуждалась в централизованной системе управления. Иерархия и единоначалие входили в число принципиальных черт ее политического устройства. Все это в конечном итоге обусловило ее двойственную, противоречивую политику... и явилось важным фактором нестабильности политической системы в целом...»¹³.

Эти замечания, на наш взгляд, чрезвычайно важны для понимания сущности реального воздействия ордынского фактора на развитие российской государственности. Сама по себе Орда представляла не такое уж и мощное централизованное государство с сильной и тем более деспотической властью правителя (очевидно, здесь и кроется ответ на вопрос – почему она просуществовала по историческим меркам относительно недолго и быстро распалась на практически независимые друг от друга улусы, одним из которых и стала Золотая Орда). Власть хана была достаточно непрочной, равно как и степень политической централизации империи¹⁴. Однако этого нельзя сказать о ее, ханской власти, военной составляющей. Как верховный главнокомандующий, хан действительно обладал огромной властью. Но иначе и быть не могло. Основанная мечом, Орда поддерживала свое существование насилием¹⁵, и ее жизнь зависела от того, насколько успешно будет функционировать ордынская военная машина, что немислимо было без поддержания в ней определенной иерархии и единоначалия, жесткой, если не сказать жестокой, дисциплины и безусловного подчинения в походе и в бою низших высшим.

Очевидно, что именно эта военная составляющая власти хана и должна была вызвать наибольший интерес на Руси и именно она и должна была быть заимствована в первую очередь русскими князьями, если они хотели снова стать «самодержцами», т.е. независимыми государями, а не чьими-то вассалами или слугами. И не случайно именно военная централизация была достигнута в Северо-Восточной Руси прежде, чем политическая и экономическая¹⁶. Само же Российское государство, его политические структуры, на первых порах, оставалось слабым, «недоцентрализованным», существенно уступая ведущим западноевропейским государствам по уровню развития центрального аппарата власти. Петербургский исследователь М.М. Кром в одной из своих последних работ, «Вдовствующее царство», попытался сопоставить уровень развития бюрократических машин Русского государства начала XVI в. и средневековой Франции. Выводы, к которым пришел историк, выглядят парадоксально, но от того они не становятся менее наглядными. По его подсчетам, в период «боярского» правления в 1534-1548 гг. в источниках упоминается 157 дьяков и подьячих, московских, новгородских и псковских, тогда как во Франции в 1515 г. насчиты-

¹³ Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2002. С. 199-200.

¹⁴ В этом отношении весьма примечательны отношения между ханами и аристократией Крымского ханства. Последняя обладала значительной автономией по отношению к ханам и не без успеха влияла на их внешнюю и внутреннюю политику. См, например: Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 3-71; Филюшкин А.И. Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II. СПб., 2008. С. 321-322; Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III-IV. Part I. 1979-1980. Pp. 445-466.

¹⁵ Как отмечал А.М. Хазанов, «кочевое скотоводство в хозяйственном отношении не является автаркичным, и до тех пор пока оно остается кочевым, нуждается в экономических ресурсах оседлого, прежде всего земледельческого и городского мира, при этом для кочевников наиболее выгодны были внеэкономические способы приобретения недостающих им продуктов, особенно путем подчинения различных оседлых групп, обществ, государств (выделено нами – П.Т.)...» (Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. СПб., 2008. С. 250). Отметим, что этот мотив в определенной степени присутствовал в политике московских государей того же XVI в. как реакция на требования служилого «чина». Последний был заинтересован в получении дополнительных доходов за счет военной добычи, поскольку вотчины и поместья обеспечивали ему, как правило, минимум средств, необходимых для поддержания своего статуса и несения государевой службы.

¹⁶ Смирнов А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 35.

валось порядка 4 тыс. чиновников. Соответственно, на порядок различалась и «производительность» (термин М.М. Крома) московских приказов – за то же время он выдали порядка 3,6 – 4 тыс. грамот, тогда как в той же Франции двумя столетиями раньше (sic - !) королевская канцелярия выпускала в год до 60 тыс. разного рода актов¹⁷. И, как следствие, вывод, сделанный исследователем: «маломощность» центрального бюрократического аппарата неизбежно вела к тому, что «...использовались различные способы для облегчения нагрузки, лежавшей на центральном аппарате, и перенесения части функций на местные структуры управления (выделено нами – П.Т.)...»¹⁸.

Но могло ли быть иначе на Руси в то время? Содержание значительного бюрократического аппарата, который мог бы стать верной опорой авторитаризма, требовало больших средств, а русское общество того времени, русская экономика, оставшиеся в значительной степени «деревенскими», нетоварными, ориентированными на натуральное хозяйство и простое воспроизводство, дать их не могли. К тому же для создания соответствующего бюрократического аппарата, который смог бы взять на себя все нити управления, в тогдашнем молодом Российском государстве не было ни соответствующей традиции (напомним, что тот же самый византийский бюрократизм опирался на многовековую бюрократическую практику Римской империи), ни опыта создания и функционирования такого рода государственной машины (в отличие от стран Западной Европы, которые имели возможность ознакомиться с таким опытом на примере бюрократических структур Римской империи).

К чему вело на практике такое положение дел? Приведем интересную мысль академика Н.Н. Покровского, которое, на наш взгляд, проливает свет на особенности формирования и функционирования политической системы Русского государства в конце XV – XVI вв. В предисловии к книге Санкт-петербургского историка Ю.Г. Алексеева историк писал, что «власть эта (Ивана III и, следовательно, его сына Василия – П.Т.) была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве... Система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины, дворянские корпорации-«города» и пр. – П.Т. Добавим к этому, что и само государство, судя по всему, способствовало развитию этих «первичных социальных организмов», заинтересованное в том, чтобы переложить на них часть управленческих функций и разгрузить тем самым немногочисленный центральный бюрократический аппарат – см. тезис, выдвинутый М.М. Кромом). Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны...»¹⁹.

На чем же держалось в таком случае единство Российского государства, созданного Иваном III, если центральная власть не могла полноценно контролировать развитие событий на местах, держать их под своим контролем и навязывать свою волю? Упомянутый выше Ю.Г. Алексеев высказал интересные соображения по этому поводу, которые заслуживают того, чтобы быть приведенными здесь. Он писал, что Российское государство, которое возникло во 2-й половине XV в., «...можно на-

¹⁷ Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М., 2010. С. 374, 492-493. В этом контексте неважно, что на самом деле число московских дьяков и подьячих могло быть больше – в любом случае «крапивного семени» в Русском государстве было на порядок меньше, чем в той же Франции.

¹⁸ Там же. С. 375.

¹⁹ См.: Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 5-6.

звать земско-служилым – русским вариантом централизованной монархии позднего средневековья... Реальной основой этого государства явились служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России. Вопреки мнению, долгое время господствовавшему в нашей историографии, Русское государство не знало «закрепления сословий». Обязанность государственной службы, т.е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстоять независимость и целостность России, с другой же стороны – патернализмом как основной формой отношений между главой государства и его подданными. Средневековый патернализм не укладывается в категории политического и юридического мышления XIX – XX вв. с его повышенным рационализмом и формализмом... В силу патерналистского характера политического сознания в России не было и не могло быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье²⁰. Отсутствие договорных отношений было не проявлением «бесправия», «восточного деспотизма», а высшей степенью доверия между властью и народом – тем морально-политическим единством, которое обусловило сохранение Россией ее государственного единства, независимости и самого ее существования...»²¹.

Итак, главная идея, буквально выстраданная русским обществом, перенесшим многовековое ордынское иго и вынужденного постоянно отражать внешнее давление то с Востока, то с Запада – идея служения государству, объединенному под властью одного государя²². Это государство, центром которого стала Москва, должно было сыграть, и в конечном итоге сыграло, роль своего рода защитной оболочки, кокона, внутри которого оригинальная русская православная цивилизация получила и воспользовалась шансом на выживание и дальнейшее развитие. По существу, речь идет о модернизированном соответственно изменившимся условиям «гомеровском» «договоре» между властью и подданными (хотя сам термин «подданные» здесь не очень то и применим – о каком подданстве может идти речь, если эти самые подданные активно участвуют в управлении государством, делегируя государю и его аппарату часть своих властных полномочий).

Можно ли назвать такое государство автократическим, более того, деспотическим или, как это было принято у европейцев, посещавших Россию в это время, тираническим? Едва ли! Ни прежняя древнерусская политическая традиция, ни византийское, ни даже ордынское влияния не давали поводов оснований полагать Московское государство таковым. На первых порах своего существования Российское государство, Московия, никак не могла считаться деспотическим государством. И что с того, что Иван Грозный в своем послании князю Андрею Курбскому утверждал – московские государи «...жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны

²⁰ Даже введение Иваном III пресловутого «Юрьева дня» можно трактовать по разному – с одной стороны, как начало реального закрепощения крестьян, а с другой стороны – как «отеческую» заботу государя о своих «детях»-подданных, помещиках и крестьянах. Нам ближе второй вариант. «Он (т.е. Юрьев день – П.В., П.Т.) играл роль естественного регулятора норм эксплуатации в частновладельческих землях... В системе Юрьева дня Иван III нашел устойчивый баланс интересов земледельцев и землевладельцев. Нарушение этого баланса не могло остаться безнаказанным...» – отмечал российский историк Н.С. Борисов (Борисов Н.С. Иван III. М., 2003. С. 582).

²¹ Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 431-433.

²² Здесь к месту упомянуть знаменитую фразу «последнего летописца» Н.М. Карамзина, за которую он повергся и продолжает подвергаться критике: «Россия основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием...» (Карамзин Н.М. О древней и новой России. М., 2002. С. 382). Но обращал ли внимание кто-либо из критиков Карамзина, не историка-профессионала, но писателя, что он вряд ли случайно применил к самодержавию Ивана III прилагательное «мудрое», подчеркивая тем самым его отличие от «грозного» правления Ивана IV?

же...»?²³ Для реального воплощения в жизнь этой формулы ни у него, ни тем более у его отца и деда не было реальных сил. Наполнению этой чеканной формулы абсолютного самодержавия препятствовал как достигнутый к тому времени реальный уровень политического, экономического и социального развития Российского государства и общества, так и складывавшаяся веками традиция взаимоотношений власти и общества, «земли». С крепнувшей властью московского государя сотрудничали достаточно мощные силы, препятствовавшие его быстрому превращению в тирана и деспота. Это и православная церковь, и боярство, и служилый люд²⁴, посадские и крестьянство, в особенности черносошное (напомним, что классического крепостного права в ту эпоху не было и в помине, и даже помещичьи крестьяне в конце XV – XVI вв. были зависимы постольку, поскольку их прикрепленность к земле было их службой общему интересу, их «тяглом»²⁵. И если дети боярские и дворяне, которых они содержали своим трудом, платили подати своей кровью, то крестьяне – своим потом и тяжким земледельческим трудом). Другое дело, что спокойное отношение москвитов к таким деспотическим изречениям своего монарха нельзя считать проявлением их извечных рабских наклонностей. Российское самодержавие, подчеркнем это еще раз, было выстрадано многовековым опытом исторического развития русского государства и общества. Подданные московского царя инстинктивно чувствовали, что только могучий, грозный государь, способный содержать сильную армию, мог обеспечить внутреннюю и внешнюю «тишину», спокойствие, стабильность, необходимую для нормальной жизни общества.

Естественно, что Московское государство времен Ивана III или его сына Василия, тем более внука Ивана, нельзя считать неким «островом свободы». Авторитарная тенденция в нем присутствовала, и между ней и старой традицией «земской» вольности постоянно шла борьба за доминирование. Однако до поры до времени у авторитарной тенденции шансов одержать верх не было – для установления действительно авторитарного режима в России необходимы были соответствующие политические, социальные и экономические условия, «великие потрясения», способные потрясти до основания сложившуюся систему взаимоотношений между государством и обществом, между властью и «землей», поставить под сомнение выбранный в конце XV в. путь развития. Очевидно, что исход этой борьбы зависел от сочетания различных факторов, и, на наш взгляд, не последнюю роль в этом должен был сыграть тот самый внешний фактор. Именно он, на наш взгляд, сыграл не последнюю, если не самую важную роль в постепенном угасании прежней «вольности» и развитии авторитарного начала, превращения его постепенно, шаг за шагом в классическое самодержавие Петра Великого. Однако рассмотрение этой проблемы выходит за рамки этой статьи.

²³ Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 30.

²⁴ И.Л. Андреев писал, что «...в XVII в. сложилась своеобразная идеология и психология службы, равно важная как для соучаствующих в ней сторон – власти и дворянства, первая в этот период не без успеха приспособливалась «философию службы» к потребностям и установкам формирующегося абсолютизма. Вторая же с еще большим успехом использовала ее для предъявления сословных требований. В сознании дворян и детей боярских любое утеснение их сословных интересов воспринималось как посягательство на службу и, следовательно, на «государево дело...» (Андреев И.Л. Дворянство и служба в XVII веке // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164). Однако, надо полагать, что эта психология не является детищем именно XVII века, а начала формироваться значительно ранее.

²⁵ И снова напрашивается сама собой аналогия со знаменитой средневековой латинской трехчастной моделью деления общества на «молящихся» (oratores), «сражающихся» (bellatores) и «трудящихся» (laboratores), которая, выходящая, в молодой России получила едва ли не идеальное воплощение (О трехчастной модели см., например: Дюби Ж. Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе. М., 2000).

**THE MOSCOW POLITICAL TRADITION OF XVI CENTURY: THE DESPOTISM
OR "HARMONY" OF INTERESTS OF THE PEOPLE AND "LEADERS"?
(to question of origin of Russian authoritarianism)**

T.M. PENSKAYA

Belgorod State University

e-mail: penskaya@bsu.edu.ru

In this article are considered some questions connected with processes of formation and development of Russian statehood in 2nd half XV - beginning XVII centuries and an origin of Russian authoritarianism. The author of article calls in question the thesis about solving influence Orda's political tradition on formation of political relations in Russian state which has settled in a historiography. The author underlines, that Orda's political tradition could not render solving influence on formation of Russian authoritative tradition owing to features of existence of nomadic societies. The influence of Orda's usages was showed first of all in the accelerated formation in Russian state of the end XV - XVI centuries of the uniform military mechanism in its opinion. The author pays attention to archaism and backwardness of state machinery of the Moscow state of XVI century comparison with similar establishments of the leading West European states of that epoch at the same time. The author comes to the conclusion that of the relation between the power and a society in the Moscow state were under construction on original "harmony" of interests of "people" and "leaders".

Key words: formation of the Moscow state, the Russian state in 2nd half of XV – beginning of XVI centuries, a monarchy, authoritarianism.